

А. П. Иванова

НОВОЕ ДЕРЕВЯННОЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ

В контексте основной задачи проекта «Дальневосточные предместья»¹ — конструирования дальневосточного стиля — нас интересуют не столько сами деревянные крепости и посты, возводившиеся первопроходцами, а их рецепции в коллективном сознании и современной народной архитектуре.

На российском Дальнем Востоке сложилось убеждение, что именно срубная архитектура острогов является настоящим, аутентичным, русским стилем, без всяких кавычек, без приставок «нео-» и «псевдо-». Архитектурные декорации, с разной степенью условности воспроизводящие объёмно-пространственные композиции острогов, начинают появляться в дальневосточных городах с середины 1980-х годов, в первые годы перестройки, причём сначала эта тема раз-

Детская площадка с фольклорно-острожными мотивами, построенная по проекту молодых архитекторов из г. Горького (фотография взята из журнала «Советская архитектура», 1985 г., с. 133).

вивается в фольклорном, «сказочном» ключе. При сравнении детской площадки, спроектированной молодыми архитекторами г. Горького (1985 г.), и хабаровским «русским городком», построенным во время летней практики студентами местного художественно-графического факультета педагогического института (1984 г.), заметно, что дальневосточники возводили не условные терема, а цитировали элементы северо-восточных острогов (музеефицированных Братского, Иркутского, Якутского и фантомного Албазинского). Детская площадка в Хабаровске на улице Стрельникова, появившаяся на территории, прилегающей к детскому дому, — одна из первых попыток апелляции к исторической памяти. Построенная на излёте советской власти, она поразила всех жителей, став символом надвигающихся перемен

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00537.

*Детская площадка, расположенная на улице Стрельникова. Хабаровск, 1984 год.
Фотография Г. А. Вахрушева, используется с согласия автора.*

(перестройки). В Хабаровске одновременно было построено несколько подобных площадок.

Память об оборонительном зодчестве раннего фронта материализуется в «новых острогах», которые можно разделить на три категории: масштабные экспонаты музейных экспозиций (сегодня по всему региону от Сахалина и Камчатки до Приморья звучат призывы к восстановлению местных острогов как наиболее убедительных геомаркеров русского присутствия на восточных территориях [2; 3]), объекты туриндустрии, и — промежуточная стадия — остроги (деревянные крепости) как архитектурно-этнографический аттракцион в историко-ландшафтных парках. В качестве примеров последней категории можно привести этнопарк «Изумрудная долина» (в 10 км от г. Уссурийска) и строящийся на берегу Култучного озера, в самом сердце Петропавловска-Камчатского, туристический этноисторический развлекательный комплекс — масштабную архитектурную декорацию, вызывающую негодование местных историков и краеведов, но с энтузиазмом воспринимаемую жителями города как символическое возвращение исторической памяти о

Строящийся на берегу Култучного озера туристический этноисторический развлекательный комплекс. Петропавловск-Камчатский, август 2019 года.

героической эпохе камчатских пионеров. В Находке, на площадке исторического парка «Пограничная площадь», общественная организация «Клио» при поддержке Президентского гранта ведёт строительство деревни переселенцев, ограждённой двухъярусным частоколом с высокими сторожевыми башнями со смотровыми площадками.

Романтика раннего фронта, постов и острогов неожиданно и убедительно прозвучала в проекте «Тропа развлечений», реализованном в 2018 году в городском парке Южно-Сахалинска. Это двухсторонняя полоса препятствий длиной 274 метра начинается с маленькой звонницы и включает 20 конструкций из брёвен и канатов разной степени сложности. Проходя полосу препятствий, посетители парка на полчаса ощущают себя первыми колонистами, пионерами, прорубающимися сквозь тайгу и форсирующими горные реки.

В ходе полевых исследований в рамках проекта, предпринятых в 2016–2019 годах, мы неожиданно для себя обнаружили, что коллективное сознание изменило устойчивые поведенческие паттерны: демонстративное потребление,

высшим проявлением которого традиционно считался капитальный дом (кирпичный коттедж), дрейфует в сторону «нового деревянного». Кирпич, с начала 1990-х репрезентирующий высокий социальный статус владельца, повсеместно вытесняется срубом.

Мода на деревянную архитектуру охватывает весь российский Дальний Восток, от Камчатки до Приморья и от Сахалина до Забайкалья.

Ранее мы подробно рассматривали срубную архитектуру турбаз в бухтах Витязь, Холерка, Троица (мыс Гамова, Хасанский район — самый популярный дальневосточный кластер), в Ливадии, под Находкой, в бухте Шамора (Лазурная) под Владивостоком, а также рассказывали о «курортах выходного дня» — пригородных и загородных «ресторанно-гостиничных центрах отдыха», в архитектуре которых всё отчётливее звучит тема «деревянного фронта» [1, с. 111–124].

Расширив географию исследования и побывав в 2019 году в экспедициях на Байкале и Камчатке, мы убедились, что именно курортная архитектура идёт сегодня в авангарде становления «дальневосточного стиля», интуитивно вырабатывая морфологию построек, оптимально коррелирующих с пейзажем и общественным запросом на «историю». Автор давал себе зарок не злоупотреблять одиозным выражением «поиск региональной идентичности», но именно это словосочетание лучше всего раскрывает идеологическую программу «нового деревянного». Возможно, этот процесс, спровоцированный бумом внутреннего туризма и удачно совпавший с обострением международной экологической повестки, выведет народную архитектуру из бесконечного циклического воспроизведения базовых паттернов к созданию новых объёмно-пространственных и образных решений, количество объектов, по закону больших чисел, перейдёт в качество, и мы увидим не искусственный социокультурный конструкт, а настоящую, подлинную материализацию духа и памяти места.

Рассмотрим некоторые региональные особенности «нового деревянного». Как не трудно было предвидеть, наиболее успешно возрождение деревянной архитектуры идёт в Иркутской области и Забайкалье, где историческая традиция возведения срубов никогда не забывалась. Более того, под Иркутском (41 км на юго-восток), в селе Тальцы, ещё в 1969 году был основан архитектурно-этнографический музей, куда успели свезти деревянные постройки из посёлков, затапливаемых при строительстве Ангарской ГЭС.

Конфликт между высокими технологиями, призванными радикально улучшить жизнь местного населения, и самим населением, попавшим в зону

затопления, стремительная гибель культурного и природного ландшафта спровоцировали мощный подъём регионального самосознания, в результате которого сформировался драматичный «сибирский текст» (В. Распутин, В. Астафьев, А. Вампилов) и стремление во что бы то ни стало спасти остатки сибирской цивилизации.

Широко известен иркутский эксперимент по реновации исторической застройки (130 квартал, официальное название — «Иркутская слобода»). Создание историко-туристического кластера было приурочено к 350-летию г. Иркутска (2011 г.). Предполагалось, что в состав «Иркутской слободы» войдут 32 отреставрированных, 16 воссозданных и 8 перенесённых из других мест памятников архитектуры. В процессе реализации проекта коммерческий расчёт и желание уловить передовые тренды «новой урбанистики» (появление амфитеатра на 2 000 мест, арт-кластеров, велодорожек и проч.) откорректировали первоначальный замысел, и получившийся результат до сих пор вызывает неоднозначную реакцию горожан и профессионалов. Но этот первый на востоке страны и, безусловно, успешный опыт актуализации исторического наследия помог переформатировать массовое отношение к деревянной архитектуре, которое традиционно оперировало двумя крайностями — «трущобы» и «музейная ценность».

Включение фрагмента деревянной исторической застройки в пешеходно-туристическую зону помогло оценить её коммерческий потенциал — энтузиазм, вызываемый деревянной архитектурой у туристов из Юго-Восточной Азии, прежде всего Китая, заставил городскую администрацию и региональный бизнес пересмотреть обычное отношение к этому сегменту архитектурного ландшафта (обычно обречённого на снос).

Возвращаясь к теме региональных public space, напомним, что сама идея «креативной экономики» была сформулирована Ричардом Флоридой как рецепт реновации американского «ржавого пояса» — речь, прежде всего, шла о переформатировании руин индустриальной экономики (возможность модернизирования деревянной жилой среды не рассматривалась американским социологом за неимением таковой). Поэтому отечественные арт-кластеры от Москвы («Винзавод», «Арт-плей», «Фарма», «Флакон», «Красный Октябрь» и т. д.) до Владивостока (ЦСИ «Заря», набережная Цесаревича) открывались на территориях бывших промышленных корпусов, цехов, мастерских и оформлялись в лофт-эстетике.

Срубная (и прочая деревянная) архитектура концентрировалась в курортных кластерах и постепенно вошла в массовое сознание как декорация индустрии отдыха и развлечений (по-видимому, сработал механизм переноса всего

спектра коннотаций, связанных с образом деревянной «русской бани»). 130-й квартал стал «модной локацией», главным местом притяжения молодёжи и «креативного класса», об Иркутске заговорила столичная профессиональная среда, проект квартала получил в 2012 году премию конкурса «Зодчество», к успешному опыту иркутян стали присматриваться администрации соседних территориальных образований и деловые круги. Деревянная архитектура легитимизовалась, её статус резко вырос. Коммерческий вернакуляр активно включился в эксплуатацию модного «тренда». Однако в деревянной архитектуре произошло разделение на вестернизированное и архаичное направления, не имеющие между собой ничего общего, кроме исходного материала.

В авангарде «нового деревянного» в Приморье выступает бюро «Конкрит Джангл» (Concrete Jungle). За прошедшие два года бюро расширило географию своей блистательной экспансии и активно включилось в реализацию федеральной программы «Комфортная городская среда». Его проекты, помимо Приморья (Владивосток, Уссурийск, Находка), реализуются в Южно-Сахалинске (дворовое общественное пространство «Продлёнка», ЖК «Малиновка» [5]; общественное пространство «Же» и набережная верхнего озера парка имени Ю. А. Гагарина [4]).

Можно ли назвать это направление «народной архитектурой»? По-видимому, да, — она востребована жителями и вызывает одобрение самых широких масс (мы провели блиц-опрос посетителей парка Гагарина, все выражали полное удовлетворение реконструкцией береговой линии верхнего озера).

«Новому деревянному» подражает коммерческий вернакуляр: придорожные пит-стопы массово обшиваются рейкой, в загородных «ресторанно-гостиничных комплексах» появляются палубы из досок, у шиномонтажных мастерских и автомоек устанавливаются скамейки-качели и мебель из паллет. Но можно ли назвать эту архитектуру дальневосточной?

«Новое деревянное» из дерзких экспериментов превратилось в официальную государственную эстетику. Стиль КБ «Стрелка», пришедший на смену «лужковскому барокко», всё чаще вызывает нарекания туземной

*Набережная верхнего озера парка имени Ю. А. Гагарина.
Южно-Сахалинск, август 2019 года.*

интеллекции, критикующей его универсализм, анонимность и полное игнорирование локальных культур. Однако ещё раз подчеркнём, что «народ» (86% населения) с энтузиазмом воспринимает интеграцию в архаизированную городскую среду знаковых объектов, символизирующих связь с метрополией и одновременно актуализирующих память места. В качестве примера приведём реновацию парка на Никольской сопке в г. Петропавловске-Камчатском (2018 – весна 2019 г., архитектор — А. Севастьян). Помимо «временной» архитектуры, собранной из досок и бруса (киоски, кафе, посадочные места, эффектная смотровая площадка, парящая над бухтой), общественное пространство, расположенное на месте героической обороны Петропавловска в Крымской войне, насыщено множеством символических отсылок к событиям полуторавековой давности и памятных объектов. Мемориальная функция в данном случае органично сочетается с эстетикой «нового деревянного», образуя среду, насыщенную временными и смысловыми пластами. Мы дважды (в августе и ноябре 2019 г.) посещали Петропавловск-Камчатский в ходе полевых исследований и можем утверждать, что парковая зона на Никольской сопке популярна у местных жителей независимо от сезона.

Однако «паровая революция» — результат реализации государственной политики (А. Севастьян во время реконструкции Никольской сопки занимал пост главного архитектора Петропавловска-Камчатского), она лишь косвенно влияет на перекодирование локальных культурных ландшафтов. Безусловно, роль общедоступных городских парков как «цивилизационных машин» трудно переоценить: провинциалы, приехавшие в столицу, идут сегодня первым делом не в Третьяковскую галерею или храм Христа Спасителя, а в парк Горького или «Зарядье», жители окраин, пригородов и субурбий выбирают в «центр» с целью «погулять в парке». В последнее время появляются исследования, осторожно намекающие, что городской дизайн — «неявный инструмент» вытеснения малообеспеченных слоёв из общественных пространств, но наши полевые наблюдения пока не подтверждают этот тезис. Новая эстетика «речной» архитектуры постепенно проникает в массовое сознание, но пока она не способна конкурировать с мощным архаичным пластом, где законсервировано народное представление о «красивом».

«Архаичное» направление деревянной архитектуры полностью противоположно по духу «новому деревянному», оно тяжеловесно, мрачновато и генерирует оборонительный месседж. Если эстетическая программа «нового урбанизма» базируется на принципах дружелюбности (friendly city), проницаемости, открытости, возможности беспрепятственного общения,

то в архаичной культурной модели все ценности прямо противоположны. Нерушимость (в том числе и визуальная) частного пространства как основа современного жизнеустройства как-то сопрягается в народном сознании с острогами и частоколами. Деревянный «русский стиль», практически не востребован в современном вернакуляре. Возможно, коллективное подсознание распознаёт в нём чужеродный культурный вирус — апелляции к чрезмерной дороговизне пропиленной резьбы и равнодушие дальневосточников к декору малоубедительны — весь регион охватила тотальная страсть к фигурной ковке, которой украшается всё подряд, значит, дело не в отсутствии запроса на «красивое». «Русский стиль» всё ещё распознаётся как «церковный» (и, следовательно, непригодный для мирского использования) или «государственный». Идеологическая загруженность этого направления эклектики мешает его адаптации в народной архитектуре. (Похожее предубеждение вызывает совершенно нейтральный, на первый взгляд, классицизм, считающийся в народе «сталинским стилем», что так же выводит его из профанного обыденного пространства в область сакрального.)

Владелец дальневосточного гектара, собирающийся поставить турбазу для любителей экстремального отдыха, как и обитатель вечной слободы, решившийся, наконец, на реализацию обязательной жизненной программы «дерево — сын — дом», интуитивно ассоциируют себя с пионерами-первопроходцами, «выживальщиками» в неизменно агрессивной среде, требующей постоянной готовности к самозащите и отпору. Поэтому «русский стиль» отвергается как «легкомысленный» («дачный», «городской»). Деревянные резные «русские» терема дальневосточник видел только в советских мультфильмах и новогодних «сказочных» городках и, соответственно, не воспринимает эту стилистику всерьёз. Первоклассных образцов деревянной «русской» архитектуры в наших городах практически не осталось, а житель слободы (субурбии, окраины) предпочитает воспроизводить проверенные, надёжные образцы. В отличие от «новых горожан», которые высоко ценят оригинальность, представитель «глубинного» народа, напротив, настороженно относится к эстетическим экспериментам, предпочитая ориентироваться на неоднократно продублированные образцы. (Креативность и уникальность в этой системе ценностей воспринимается как онтологический изъян, а повторяемость — как добродетель: «Все так делают».)

В парадигме вечного восточного фронта побеждает эстетика острога и максимально лаконичной избы. Цикл снова замыкается, и на новом витке воспроизводятся всё те же формы протоархитектуры колонистов. Две культуры — вестернизированная городская и архаичная «деревенская» (от слов

«древний» и «дерево»), как и полтора века назад, расходятся всё дальше (см. фотографии отеля «Белка» и турбазы «Ривьера» — ренессанс срубной архитектуры в туриндустрии; поиск новой выразительности, эксперименты с объёмно-пространственной композицией и поисками силуэтов построек).

Интересное развитие «острожной» сахалинской архитектуры (странно, что туриндустрия Сахалина ещё не обыгрывает местную экзотику, не используя в нейминге мощный бренд «Каторга»). Заметна попытка привлечь к строительству профессионалов, но вернакулярная сущность объекта выдаёт себя аляповатыми рекламными баннерами, искажающими мрачный, выразительный образ гостиницы, и верандой, облицованной из экономии фальшбрусом. Отель «Белка». Южно-Сахалинск, август 2019 года.

Турбаза «Ривьера». Гремячинск (первое село на побережье Байкала по Баргузинскому тракту, 138 км от Улан-Удэ), ноябрь 2019 года.

Средний класс, являющийся основным заказчиком объединяющей («при-миряющей») эстетики, вымывается из социума, стремительно замещаясь мигрантами из мусульманских республик, для которых «русский стиль», вероятно, ассоциируется с православием, что выводит искусствоведческие проблемы в совершенно иную плоскость.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Иванова, А. П. Городские пространства: предместья и дороги. Владивосток и Хабаровск, 2015–18 гг. : учебное пособие / А. П. Иванова. — Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2018. — 244 с.
2. Макет Албазинского острога получит постоянную прописку в Благовещенске. — Текст : электронный // Амур. правда. — 2016. — 25 окт. — URL: ampravda.ru/2016/10/25/070565.html (дата обращения: 10.01.20).
3. Марков, И. Г. Реконструкция Муравьевского поста 1853–1854 годов в городе Корсакове : история и перспективы / И. Г. Марков // Вестн. Сахал. музея. — 2016. — № 23. — С. 118–131.
4. Общественное пространство «Же» — Текст : электронный. // Concrete Jungle. — URL: <https://cjungle.com/projects/public-space/> (дата обращения: 10.01.20).
5. Продленка [дворовое общественное пространство]. — Текст : электронный. // Concrete Jungle. — URL: <https://cjungle.com/projects/after-school-club/> (дата обращения: 10.01.20).

Фотографии предоставлены автором.